

ВЗЯТКА

В десять вечера мне позвонил дежурный по нашему управлению и вызвал на работу. Обычное дело.

Я поцеловал жену, детишек, взял сумку с зубной щеткой, пастой, книгой и сменным бельем, вышел из дома, сел в машину и поехал к себе в Управление. Туда уже съезжалась вся наша группа.

«Наша группа» – это пять офицеров, прошедших специальную подготовку. Каждый из нас обладал самыми высокими профессиональными качествами, необходимыми в сложных и экстремальных ситуациях при задержании чиновников высших эшелонов государственной власти.

Мы «берем», задерживаем, «упаковываем», «принимаем» взяточников. Мы непосредственные «контактеры», глаза в глаза, руки в руки, мы те самые, кто видит, что происходит, когда взятки, как правило, в виде денег, переходят госчиновникам. А происходят зачастую вещи удивительные.

Остальные службы силовых структур лишь обеспечивают поддержку в проведении нашей операции. И то по мере необходимости.

В последнее время работы прибавилось. Президент взялся за коррупцию. Но несмотря на это, взяточников не убавлялось, а даже стало прибывать.

Как всегда, наш руководитель провел с нами дежурный инструктаж. Предупредил, что на этот раз сумма взятки весьма крупная – три миллиона евро одним кейсом. Пошутил, чтобы мы этот кейс не потеряли при задержании.

Ну а чиновник этот очередной министр. Министр энергетики и топливной промышленности. Взятку получает за административную и политическую поддержку после очередного повышения энерготарифов в области. Повышение небольшое, но с мира по нитке, с каждой бабки по рублю. А если по двадцать рублей в пятимиллионном регионе, то это уже почти полмиллиарда, владельцу энергетической компании на очередную виллу в Майями или очередное бриллиантовое кольцо очередной любовнице. И всего-то дел: чуть-чуть повесить тарифы на несколько рубликов

Самого владельца этой энергетической компании взяли коллеги из ФСБ, и тот с испугу, чтобы откупиться, решил продать своего партнера – министра энергетики. Пошел на сотрудничество.

Нас, всю группу, как всегда на ночь оставили до начала операции в здании УВД. Мы сдали все свои телефоны и были закрыты в специальных «апартаментах» нашего управления, в «отстойнике», как называют это помещение в нашем УВД. Мы на это не обижаемся. Служба есть служба. Лучше перегнуть, чем не догнуть. И среди нас иногда попадались такие, которые за информацию «где, когда и кого» хотели получить не меньше, чем давали тому, кого предстояло задержать. Поэтому мы и сидели взаперти под охраной, и четко, до запятых, расписывали план операции и изучали психологический портрет взяточника, от которого ожидать можно, что угодно.

Как всегда, прорисовав «скелет» захвата, стали вспоминать самые интересные случаи из нашей практики.

Вспомнили последнее задержание. Брали «генерала» с железной дороги. Прямо у него в кабинете. Правда, «генерал» был как бы не настоящий, без погон, но с дубовыми листочками на лацканах и рукавах форменного мундира. Тот все никак не мог понять, что надо этим парням, которые положили на пол всю его приемную и просили открыть сейф. Сейф «генерал» открыл. Деньги отдал. А потом стал звонить по телефонам-«вертушкам», и причем не высокопоставленным своим друзьям, а подчиненным. Одних снимать с работы, других повышать. Мы не мешали. Пусть потешит свое генеральское «я». Всё равно все указания потом отменяют. А нам меньше хлопот. Весь его генеральский задор уйдет на эти звонки. Так и произошло. После десятого звонка «генерал» сдулся. Сник. И даже в объеме уменьшился. Форма генеральская на нем обвисла. Голос ослаб. И даже пистолет, который он вытащил откуда-то из-под стола, выбили легко и быстро. Не дали застрелиться.

И опять вопрос. Зачем ему, «генералу», была нужна эта взятка? У него и так уже все было. Ордена. Резиденция. Охотхозяйство. Дом в Сочи. Люкс-машина. Спецвагон. Что еще надо? Загадка.

Вспомнили недавно задержанного вице-губернатора. Арестовали у любовницы, которая была моложе его на тридцать лет. Он рыдал, как школьник. А она плевала ему в лицо и позорила его, как последнего подзаборного бродягу. Было видно, что она его не то что не любит, а просто ненавидит. И он это тоже понимал. Но с упорством безумного накачивал эту девочку своими подарками до бесконечности.

Зачем он это делал, опять было непонятно.

Трое из нас пятерых давно склонялись к тому, что эти люди просто больные. Как наркоманы и алкоголики.

Вспомнили случай с мэром одного города-миллионника.

Немного просчитались во времени при захвате и приняли мэра в стельку пьяного. А в камере потом он за рюмку водки сдал нам всю цепочку от аукционов до бухгалтеров. Оказался мэром обыкновенным хроническим алкоголиком.

На этом крючке его и держали его подчиненные. И все воровали и таскали – кто больше, кто меньше. И все бы было хорошо, если бы не здоровье. Допился до глюков и в горячке решил все себе сгрести. Свои его и сдали. Сдать сдали, а не просчитали, что он за рюмку сдаст и их. И сдал. Пришлось брать и их. Только уже другим сотрудникам и другим группам.

А недавно вообще забавный был случай. Задерживали одного федерального чиновника, а когда хотели вывести его из кабинета, то никак

не могли вытащить его из кресла. Он так вцепился пальцами в подлокотники, что мы вчетвером не могли его оторвать от любимого начальственного места. Хотели уже с креслом выносить из кабинета. А кресло оказалось привернутым к полу и только крутилось и ездило на полозьях. Тогда один из нас засунул ему в рот пальцы и стал растягивать рот. Тут он и отпустил подлокотники. Мы его быстро подхватили и выволокли вначале из кресла, а затем из кабинета.

За воспоминаниями как-то незаметно расслабились.

Зачем этим людям столько денег?

Ночь долгая. Вспоминали, разговаривали, спорили.

– Ведь все они люди богатые.

– Все у них есть.

– Сто ботинок одновременно на две ноги не наденешь.

– Да и бутерброды с черной икрой каждый день есть не будешь.

И устрицами рано или поздно объешься, стошнит.

– Почему берут?

– Потому что дают.

– Зачем отказываться, когда дают?

– Это так.

– А если вымогают?

– Значит, не хватает.

– Чего?

– Сто первых швейцарских часов?

– Десятой яхты?

– Пятой виллы?

– Наверное, это просто люди с каким-то особым геном.

– Который требует, чтобы брали и брали: денег хочу, золото хочу...

– Нет, ген тут, конечно, ни при чем. Но то что они не нормальные, это точно.

– И, кажется, вот предупреди этого завтрашнего министра, он всё равно возьмет.

– Нет, не возьмет...

– Это бред.

– А может, и не бред?

– Бред. Даже убийца, узнав, что его жертву пасут, как правило, отказывается от своего замысла.

– А взяточник не откажется.

– Откажется.

– А если увидит деньги, не откажется.

– Это надо быть больным.

– А они все больные.

Поболтав так, мы посмеялись и, добив последние детали предстоящей операции, легли спать.

А потом кто-то спросил:

– А если проверить?

– Что проверить?

– Мы же всегда всех этих «больных» брали, когда они, уже обласкав взглядом заветные презенты, держали их в своих руках. Так?

– Ну, так.

– А если завтрашнего предупредить, что его берут, то он, увидев деньги, возьмет их или нет?

– Он что, идиот? Конечно, не возьмет.

– Три миллиона евро не возьмет?

– Ты бы взял?

– Я бы взял, но мне не дадут

– Ха-ха..

Помолчали. Потом опять поехало.

– Интересно всё же, взял бы этот дятел или не взял?

– Слушайте, чего ерундой страдать, конечно, взял бы. Давайте спать.

– А мне кажется, что не взял бы. Они же не идиоты, эти все генералы и губернаторы. Считаю себя умными. Вон какие схемы взяток придумывают, не сразу докопаешься.

– Все эти схемы для таких же дураков, как они, поэтому мы их дураков так регулярно и сажаем. И всех посадим.

– Твоими устами бы да...

– Всё же, ребята, а если попробовать?

– Чего?

– Ну, возьмет завтра или нет этот наш клиент три миллиона, если его предупредить.

– Во-первых, никто его предупреждать не будет.

– Конечно.

– А если кто и предупредит, примерно так: «Товарищ министр, это доброжелатель, завтра не берите три миллиона евро, на которые вы хотите купить отель в Швейцарских Альпах, потому что вас арестуют при передаче взятки».

– «Ха-ха», – расмеется он тебе, товарищ неизвестный доброжелатель, в лицо. Не поверит.

– А если его предупредит человек, которого он и который его хорошо знает?

– А кто его хорошо знает, интересно?

– Я знаю, – ответил я. – У нас отцы вместе служили на флоте. Когда-то наши семьи в гости ходили друг к другу. Хотя последние двадцать лет не встречались, но он знает, где я работаю.

– Этот не возьмет. У него вилла в Майами, а другая на Рублевке, счета в офшоре на Кипре, Панаме, акции Газпрома, Сбера, яхта. Он уже упакован по самое горло. Не возьмет. Зачем ему?

– Ну, если возьмет, он полный идиот.

– Дела...

И тишина.

А затем все вдруг загорелись.

– Ребята, такое раз в жизни ...

– Тебе поверит.

– И будем наконец понимать, что к чему.

– Думаю, что все согласны, что нам это надо сделать?

– Надо.

– Была не была...

Как мы смогли вывести меня из-под увэдэвской охраны, не буду рассказывать. Но все прошло чисто.

Министра нашел в кабинете его загородного дома. Спокойно объяснил, что к чему.

Что завтра, когда ему в ресторане «Колизей» передадут три миллиона евро, он будет задержан. Реакция была, как всегда, индивидуально-неожиданной. Он замер. Даже не замер, а застыл. Глаза его смотрели мимо меня куда-то и не моргали. Я даже обернулся посмотреть, куда он смотрит. За моей спиной висел портрет его отца. Наконец губы его задрожали, взгляд упал вниз. Он стал судорожно что-то искать по карманам и шептать: «Ну почему я? Почему? За что?»

Потом он посмотрел на меня. Понял, что я слышу его шепот, встал, подошел ко мне и попытался обнять.

– Спасибо, спасибо. Я ценю. Век буду за тебя молиться, и детям своим накажу, и внукам... чтобы знали, кому они обязаны. До гробовой доски... Спасибо.

Я предупредил его, что он под плотным колпаком. Ни уезжать, ни звонить нельзя. Надо просто завтра не взять.

– Понял? – уточнил я.

– Понял, – ответил он.

И я осторожно исчез из его дома.

Через час я был опять в своих «апартаментах», среди своих товарищей.

– Ну как?

– Думаю, что мы зря завтра поедим на операцию.

– Ты уверен?

– Да! – твердо ответил я.

– Значит, надо писать рапорт на увольнение.

– Написать всегда успеем.

– А может, и не придется ничего писать, а наоборот, под очередной орден дырку проделывать.

– Твоими бы устами...

С этим и уснули.

А утром в ресторане «Колизей», нашей группой был задержан министр энергетики и топливной промышленности при передаче ему взятки в три миллиона евро. Взял, дятел.

Его так и вывели из ресторана, судорожно прижимавшего к груди кейс, набитый евриками.

Вечером я спустился к нему в камеру.

Спросил: «Почему?»

– Не смог. Не смог... как увидел пачки денег, так и отключился. Подумал – может, ты ошибся. Может, пошутил. Может, еще что-нибудь... Деньги вот они... совсем в голове помутилось. Вот они, три миллиона, здесь, только руки протяни. Мои... Мои, понимаешь?.. – и уставился на меня горящими глазами.

Мне стало жаль его. И даже захотелось что-то сказать ему утешительное, но он вдруг вскочил и заорал:

– Ну что смотришь! Да, взял, взял! Много ты знаешь, что такое деньги! Ты даже не знаешь, что такое деньги! Сколько ты их видел? Мелочь! А я миллионы и миллионы... Деньги – это ВСЕ!! Деньги – это... деньги... это жизнь... это радость, счастье... Деньги – это кровь моя...

И он опустил на нары и заплакал.

Я не стал его жалеть. Понял, что это ему лишнее, просто повернулся и вышел из камеры.

А он все бубнил там, в камере, сидя на нарах:

– Но почему я? Столько денег и мимо... Это же мои деньги... Господи, за что?..

«Да, – подумал я, – эти люди ненормальные. В голове что-то не в порядке. Больше с ними экспериментировать не будем, пустое это дело».

ПОЧЕТНЫЙ ШЛАГБАУМАНИСТ

У каждого государства полно больших и маленьких проблем. Но у каждого есть и основные проблемы, которые определяют стратегию развития этого государства.

У одних стран это пустыни, простирающиеся от края до края, у других землетрясения и цунами, разрушающие их города.

У нас в России проблемы две – дураки и дороги.

Дороги, какие бы они ни были, это всегда путь вперед, а дурак – это путь назад.

И мало кто заметил, что на дорогах зачастую стоят шлагбаумы, поставленные в большинстве своем дураками. А по этим дорогам идет движение, и не только пешеходное, автомобильное и железнодорожное. По дорогам идет движение передовой мысли, новой идеи. Дороги исполняют желания.

А тут по всем этим дорогам дураки, и каждый со своим шлагбаумом. И ладно с одним, а у некоторых их – десятки, сотни!

И вот уже к двум основным несчастьям, дуракам и дорогам, прибавилось настоящее бедствие, порожденное этими двумя несчастьями, – шлагбаумы.

И назначение их одно – создать препятствие для человека.

Увидев препятствие, человек от такой неожиданности становится злым. Начинает ворчать, кричать, требовать, чтобы тот, кто владеет шлагбаумом, его немедленно открыл.

Но ему не открывают. Он пытается обойти этот шлагбаум по ямам и буеракам, но, как правило, ничего не выходит, только теряется время и здоровье. Поэтому его путь сквозь шлагбаум будет тернист и нелегок.

И Виктор Васильевич это знает.

Всю свою жизнь Виктор Васильевич ставил шлагбаумы. Нет, он не был дураком и не был дорожным мастером, тем более рабочим по установке шлагбаумов, он был простым госслужащим. Теперь он уходил на пенсию, и учил уму-разуму своего молодого преемника Василия Викторовича, тоже вроде не дурака, с первого взгляда. А послушаешь, дурак дурака учит:

– Первейшее и наиболее полезное качество на госслужбе – это умение чиновника придумать «шлагбаум» при получении того или иного документа, и чтобы эта придумка не шла явно вразрез с законами, а лишь бы дополняла, расширяла или, на худой конец, запутывала. Придумав, надо сделать так, чтобы потом самому и только самому открывать этот шлагбаум.

Чем больше у нашего брата-чиновника шлагбаумов, тем мы нужнее народу российскому, – наставлял юного Васю умудренный опытом чиновничьей жизни Виктор Васильевич. – Мы своими шлагбаумами не только государству, людям, но и всему миру жизнь улучшаем.

– Как? – удивлялся начинающий свою карьеру юный, и еще не совсем дурак, непонятливый Василий Викторович.

– Разберем на примере... – продолжал обучение опытный шлагбауманист. – Пришел к нам за разрешением предприниматель. Пока, правда, он не предприниматель, а просто гражданин, которому надоело работать на дядю и нищенствовать, и он решил стать миллионером. Потому что работая на дядю, он видел, что дядя живет хорошо и вроде как бы и не очень-то напрягается.

Так вот, этот гражданин, мечтающий предприниматель, решил продавать пирожки. Жена будет печь, а он продавать. Затрат на пирожок рубль, а продать можно за десять рублей. Если продать сто пирожков, можно выручить тысячу рублей, а если продать тысячу пирожков – десять тысяч, а уж если миллион пирожков, то получишь 10 миллионов рублей. Ну не жизнь, а рай. Так у нас в стране может появиться новый олигарх. А это уже неправильно. У него, у нищего, ставшего олигархом, могут возникнуть порочные желания: карты, женщины, наркотики. Не надо нам таких олигархов. И к тому же кто-то же должен на них, олигархов, работать. А где рабочая сила? Нет. Не мы же с тобой?

С этим Вася сразу согласился.

– Смотрим дальше. Предположим, мы не успели поставить шлагбаум на получение разрешения на продажу пирожков. И, увидев, как легко наш клиент получил разрешение, все тоже бросятся торговать пирожками. Вышли мы с тобой на улицу, а там все пирожками торгуют. Работать никто не работает, одни олигархи на улицах. А олигархи, известно, народ хитрый, им не нравится, как в России у нас жизнь организована, все они хотят яхту купить и за границу уехать, все свои капиталы туда перевести. Опять, нам это надо? Нам, россиянам, это не надо. Беспокойство от этого бывает в народе. А мы, чиновники, должны следить, чтобы государство наше жило тихо и спокойно, без всяких там олигархических катаклизмов. Правильно? – спросил Васю Виктор Васильевич.

Вася благоговейно молчал.

И Виктор Васильевич сказал, как отрубил:

– Мы тут же этому любителю пирожкового бизнеса бац – и первый шлагбаум на его порочном олигархическом пути.

Он, этот будущий олигарх, вначале, конечно, впадет в ступор, а затем замечется, забегает, позлится, но, будучи не дураком, принесет нам пирожок на пробу.

Мы не откажем ему, бедолаге, попробуем. Сытыми не будем, но семейному бюджету уже пошла экономия.

И так он, этот пирожковый бизнесмен, будет ходить к нам, в надежде, что вот-вот шлагбаум наш приоткроется, и каждый день пирожки будет нам носить.

Вот мы уже и сыты. Но бесконечно он ходить не будет. Это хождение и пустое ношение пирожков может ему надоест. Почувствовав это, тут мы ему и откроем первый шлагбаум.

Он от радости, что получил первую подпись, бросится вперед, и ему уже будет казаться, что вот-вот он начнет продавать пирожки, богатеть, свои миллионы зарабатывать.

Ан нет, тут мы ему второй шлагбаум – бац. Посерьезнее первого.

Он, уже с понятиями малый, несет нам не один пирожок, а десять. У нас уже все наши семьи питаются его пирожками.

Семья в смысле питания начинает жить хорошо. Жена в магазин не ходит, детям на буфет в школе тратиться не надо и сами мы обедаем пи-

рожками у себя на работе. Мы ему тут приоткрываем чуть-чуть второй шлагбаум. Говорим, что его разрешение уже на второй подписи.

И он от радости, что очередной шлагбаум вот-вот пройдет, давай нам таскать пирожки и с такой начинкой, и с такой, и с эдакой. Прямо тебе скажу, ресторанный еда пошла.

Но и тут пережимать клиента нельзя. Почувствовав, что он уже готов от бесконечного ожидания очередной подписи все свое пирожковое производство бросить, р-раз – и опять открываем ему второй шлагбаум: вот, получите, и вторая подпись на вашем разрешении готова.

Он, ослепленный мечтами о миллионах, уже думает, что сейчас получит разрешение на изготовление и продажу пирожков, продает свой автомобиль и рубиновые серьги супруги, чтобы сразу вот так, с размахом, гнать свои пирожки в народ, – но тут же упирается в новый шлагбаум, который мы едва успели придумать.

Он, конечно, огорошен. Но ничего, уже столько прошел, что жалко останавливаться. И понимая, что надо делать, по опыту, давай кормить пирожками всю нашу чиновничью гвардию с еще большим размахом.

Но когда у него закончатся деньги, мы уже, сочувствуя его усилиям и терпению, открыли ему почти последний шлагбаум. Осталась одна подпись.

Он от радости квартиру в банк закладывает. Хотя зря он это делает. Последний шлагбаум мы ему никогда не откроем.

Но он не знает этого и за каждое разрешение для поднятия шлагбаумов будет платить тебе, Вася. Так человек русский устроен, он от природы благодарный. Особенно государеву службе.

Потом он, конечно, бросит и ходить к нам, и кормить нас. Но это уже потом. А пока, чем ты больше поставил шлагбаумов в период твоей службы, тем ты важнее и успешнее. Успешность деятельности чиновника определяется не тем, чем он помог просителям, а тем, насколько изощренный, невероятный он придумал шлагбаум. И благосостояние, и должность, и звания чиновника зависят от того, сколько он шлагбаумов поставил за свою карьеру. И есть даже такие, которым при выходе на пенсию дарят «Золотой шлагбаум» с присвоением звания «Почетный шлагбауманист». И я вот послезавтра получу из рук самого губернатора такой «Золотой шлагбаум» и почетное звание, – закончил Виктор Васильевич.

– Поздравляю вас! – затрясся в подобострастном поклоне юный приемник. – Я буду достойным вашим учеником, помимо ваших шлагбаумов еще своих напридумываю. Не переживайте, не подведу!

И ведь не подведет.

И еще один дурак встанет на дороге со шлагбаумом.

И на твоей дороге, и на моей, и на нашей общей дороге всей нашей страны – России.